

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ США в АТР

Программа “Freedom of Navigation”, как ключевой элемент политики США в АТР. Соединенные Штаты еще в 1979 году, то есть за три года до открытия процесса подписания Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, с целью защиты своих интересов в масштабах всего Мирового океана, инициировали программу «Freedom of Navigation» (здесь и далее – FON), курируемую Госдепартаментом совместно с Пентагоном.

С одной стороны, она была призвана гарантировать возможности США в таких областях, как проецирование военной мощи, обеспечение логистики в области переброски и снабжения вооруженных сил, обеспечение передового присутствия и т.д. С другой стороны, внутри самих США она рассматривалась не просто как американская инициатива, направленная на защиту свободы судоходства и борьбу за целостность будущего конвенционного режима, но и как проект по защите интересов всего западного сообщества в целом¹.

Реализация программы FON осуществлялась и продолжает осуществляться как путем проведения дипломатических переговоров, подачи нот дипломатического протеста, демонстрации флага, проведения военно-морских учений, так и методом прямого воздействия посредством привлечения боевых кораблей ВМС США для оспаривания конкретных правопритязаний².

В годы Холодной войны американские ВМС, насчитывающие около 600 единиц плавсредств, ежегодно осуществляли около 35-40 операций подобного рода. Сегодня, после сокращения ВМС США практически вдвое, количество таких операций сократилось до 5-20 в год.

Программа FON предполагает не только защиту свободы судоходства, как одной из шести свобод открытого моря, но и гораздо более широкий спектр действий, направленных на оспаривание конкретных правопритязаний тех или иных прибрежных государств, среди которых:

1) противодействие введению уведомительного или разрешительного порядка мирного прохода через 12-мильное территориальное море прибрежного государства как в отношении гражданских судов, так и военных кораблей;

2) несогласие с претензиями архипелажных и припроливных государств по ограничению прав архипелажного и транзитного проходов;

3) борьба с претензиями прибрежных государств в акваториях за пределами территориального моря, которые ведут к ограничению свобод открытого моря – прежде всего, судоходства и полетов – в рамках 200-мильной исключительной экономической зоны (здесь и далее –ИЭЗ);

4) оспаривание претензий других государств по недопущению использования акваторий ИЭЗ и открытого моря в военных целях.

Кроме того, в рамках программы FON США инициировали борьбу с теми правопритязаниями, которые с их точки зрения, противоречат базовым положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. В частности, они:

1) оспаривают распространения статуса исторических вод, находящихся под полным государственным суверенитетом, на акватории, которые США не признают таковыми;

2) оспаривают установления некорректных исходных линий, от которых отсчитывается ширина территориального моря прибрежного государства;

3) не признают границы территориального моря, превышающие конвенционный лимит в 12 морских миль;

4) оспаривают претензии прибрежных государств по расширению своих полномочий в области обеспечения безопасности в пределах 24-мильной прилегающей зоны;

5) не соглашаются с претензиями других государств по расширению своей юрисдикции в пределах ИЭЗ, помимо той, которая прописана в Конвенции 1982 г.

Несмотря на то, что сами США отказались присоединиться к Конвенции 1982 г., они выступили с заявлением, согласно которому они признавали права других государств в их прибрежных водах, как это было отражено в Конвенции, но при условии, что права и свободы Соединенных Штатов и других государств в рамках международного права также будут являться признанными со стороны этих прибрежных государств. При этом особо подчеркивалось, что

«Соединенные Штаты будут осуществлять и отстаивать свои права на свободу судоходства и полетов по всему миру в порядке, который соответствует балансу интересов, отраженных в Конвенции». США не будут соглашаться «с односторонними действиями других государств, направленными на ограничение прав и свобод судоходства и полетов, как и других связанных с ними видов использования пространств открытого моря»³.

Наиболее развёрнуто диалектику противоречий между отстаиванием свобод открытого моря и тенденцией прибрежных государств к расширению своих прав в прилежащих морских акваториях выразил в 1986 г. тогдашний помощник Госсекретаря США по океанам, окружающей среде и научным исследованиям Дж. Негропонте, заявив, что:

«Традиционно, свободы открытого моря находятся под угрозой по двум причинам: это соображения безопасности и потребность в ресурсах со стороны прибрежных сообществ. Вопросы, связанные с обеспечением безопасности, играют существенную роль в деле расширения юрисдикции прибрежного государства. Правовой режим как территориального моря, так и континентального шельфа могут быть объяснены именно соображениями безопасности. А потребности прибрежных государств в ресурсах объясняют практически все претензии в области расширения юрисдикции. Таким образом, несмотря на все традиции и преференции, свободы открытого моря находятся в состоянии противостояния с прибрежным государством. Последнее склонно рассматривать Мировой океан исключительно как ресурс, более того – свой ресурс. Некоторые прибрежные страны идут дальше и видят в Мировом океане средство обеспечения безопасности для своей территории. Это приводит к тому, что прибрежное государство старается включить в свои объятия как можно больше ресурсов и морских пространств, чем оно может сделать на законных основаниях»⁴.

Направленность программы FON в АТР. Соединенные Штаты проводили и проводят мероприятия в рамках программы FON не только в отношении таких стран, как Иран, Ливия, Венесуэла, но и в отношении своих близких союзников и партнеров, а также нейтральных государств. Так, например, США, имеющие вполне хорошие деловые и политические связи с Дели, оспаривают

отстаиваемый индийским руководством разрешительный порядок осуществления учений и маневров со стороны иностранных военных кораблей в пределах 200-мильной ИЭЗ Индии. Своего традиционного союзника – Филиппины – Соединенные Штаты не перестают укорять в том, что они пытаются распространить статус внутренних вод, находящихся под полным государственным суверенитетом, на всю акваторию архипелажных вод, где третьих страны наделены правом архипелажного прохода. Тайвань испытывает давление со стороны Вашингтона за то, что ввел уведомительный характер прохода военных кораблей и судов на государственной службе через свое 12-мильное территориальное море, а также провел прямые исходные линии для отчета ширины территориального моря и исключительной экономической зоны с существенными нарушениями положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, как считают американские эксперты. Идентичные обвинения высказываются со стороны США в отношении другого важного союзника – Республики Корея.

Ниже представлены данные Министерства обороны США по реализации программы FON за период 2009-2017 г⁵ в отношении тех или иных государств АТР:

№	ВИДЫ ПРАВОПРИТЯЗАНИЙ	СТРАНА, ГОД
1	Применение статуса внутренних вод к архипелажным водам с правом архипелажного прохода	Филиппины (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017)
2	Некорректное установление прямых исходных линий	Вьетнам (2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2017); Камбоджа (2010, 2011, 2012, 2013, 2017); КНР (2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); Никарагуа (2014, 2015); Тайвань (2011, 2012, 2013, 2014); Таиланд (2011); Филиппины (2012); Южная Корея (2014); Япония (2010, 2012).
3	Некорректное установление архипелажных исходных линий	Филиппины (2009, 2010).
4	Уведомительный порядок прохода гражданских судов/военных кораблей через 12-мильное территориальное море	Вьетнам (2013, 2015, 2017); Индия (2011); Индонезия (2011, 2012, 2013, 2014, 2015); Тайвань (2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017); Никарагуа (2014, 2015); Южная Корея (2014).
5	Разрешительный порядок прохода	Малайзия (2009, 2010, 2011, 2012, 2013,

	судов с ядерной силовой установкой через территориальное море	2014, 2017).
6	Разрешительный порядок прохода военных кораблей через территориальное море	Вьетнам (2010, 2011, 2012); Камбоджа (2010); КНР (2011, 2012, 2013, 2015, 2017).
7	Некорректное установление внешних границ территориального моря	Никарагуа (2014, 2015); Перу (2014); Эквадор (2011).
8	Запрет на остановку, сброс якоря, плавание без «законной причины» в акваториях, прилежащих к территориальному морю	Индонезия (2014, 2015).
9	Расширение юрисдикции в области безопасности в 24 мильной прилегающей зоне	Вьетнам (2011, 2012); Камбоджа (2010, 2011, 2012, 2013); Никарагуа (2014, 2015); Шри-Ланка (2014).
10	Введение зоны идентификации полетов (ADIZ) для воздушных судов, не пересекающих границу национального воздушного пространства	КНР (2014, 2015, 2016, 2017).
11	Непризнание воздушного пространства над ИЭЗ в качестве международного	КНР (2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017).
12	Уголовная ответственность за проведение научных изысканий в ИЭЗ	КНР (2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017).
13	Ограничение на проведение военно-морской деятельности в ИЭЗ	Индия (2009, 2010, 2012, 2013, 2015, 2017); Малайзия (2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2017).
14	Неполное установление архипелажных морских коридоров	Индонезия (2009, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017).

Как видно из приведенной таблицы, значительная часть усилий США будет, как и прежде, направлена на опротестование незаконно установленных, с их точки зрения, прямых исходных линий для отсчета внутренних границ территориального моря, ведущее в конечном итоге к распространению статуса внутренних вод на огромные морские акватории. В конечном счете это ведет к тому, что режим суверенитета и юрисдикции прибрежного государства распространяется существенно вглубь, т.е. на те акватории, к которым могли бы быть применимы свободы открытого моря. При этом, США не стесняются высказывать свои претензии в этой области не только в отношении таких стран как КНР или же Камбоджа, но и в отношении свои союзников и партнеров в регионе (Филиппины, Япония, Южная Корея)⁶.

Китай, например, еще в 1958 году, а затем в 1996 г. на уровне национального законодательства, заявил об установлении прямых исходных линий вокруг Парасельских островов, несмотря на то, что их государственная принадлежность оспаривается Вьетнамом.

В 2012 году прямые исходные линии были проведены Пекином вокруг о-вов Сенкаку (кит. – Diaoyu Islands) в Восточно-китайском море⁷, которые являются предметом территориального спора между КНР и Японией.

Неслучайно, в октябре 2016 года американский эсминец УРО Decatur не просто пересек те прямые исходные линии, которые были установлены Пекином вокруг Парасельских островов, и акватория внутри которых рассматривается последним в качестве находящихся под полным государственным суверенитетом внутренних вод, но и осуществил целый ряд военно-морских маневров⁸. Таким образом, США обозначили свою позицию, согласно которой они считают, что проведение таких маневров возможно лишь за пределами внутренних вод или же территориального моря прибрежного государства, а значит является на практике реализацией одной из свобод открытого моря – в данном случае свободы судоходства, которая в равной степени применима как к военным кораблям, так и к гражданским судам. В отличие от предыдущей практики по отстаиванию права мирного прохода через территориальное море – это уже куда более серьезная попытка оспорить правопритязания Поднебесной на распространение своего суверенитета на целую группу островов и акваторию вокруг них.

Позицию США, безусловно усилило решение Постоянной палаты третейского суда (ППТС) в Гааге по иску Филиппин против КНР⁹, которое дало правовую классификацию тех островных образований Южно-Китайского моря, вокруг которых КНР старалась установить конвенционный режим как территориального моря, так и 200-мильной исключительной экономической зоны и соответствующего ей континентального шельфа, считая их полноценными островами в рамках ст. 121 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В соответствии с решением ППТС большинство спорных образований Южно-Китайского моря, которые были упомянуты в иске Филиппин, были квалифицированы не как острова, обладающие полным объемом прав и приравненных к сухопутным территориям, а как скалы, вокруг которых могут устанавливаться только 12-мильное территориальное море, но не ИЭЗ и не континентальный

шельф, или же как обсыхающие при отливе возвышения, не могущие быть наделены никакими правами в отношении морских пространств вокруг них.

Арбитражем было зафиксировано, что статус «образований» ЮКМ может определяться исключительно по их изначальному состоянию, то есть без учета каких-либо произведенных с ними модификации или же земляных работ. Практика КНР по насыпанию островов была признана не ведущей к изменению их правового статуса, более того – было обозначено негативное воздействие на морскую среду и ее биоразнообразие в ходе таких работ.

Было подтверждено, что конвенционная формулировка о поддержании человеческой жизни и возможности ведения хозяйственной деятельности означает полную независимость «островов» от ресурсов за их пределами. Соответственно, все попытки снабжения (например, пресной водой) таких «образований» с материка, обустройства там инфраструктурных объектов и т.д. с целью их правовой классификации в качестве островов была признана нелегитимной¹⁰.

Соответственно, теперь КНР будет более затруднительно, хотя и не невозможно, в полном объеме настаивать на нелегальном характере действий США в рамках программы FON в прилежащих к этим образованиям морских пространствах, считая, что на них распространяется ее суверенитет (в пределах территориального моря) или же юрисдикция (как в случае с ИЭЗ). Именно поэтому, первыми действиями администрации Д. Трампа в рамках программы FON стали военно-морские маневры в пределах 12-мильной зоны вокруг Mischief Reef в конце мая 2017 года¹¹.

В частности, американский эскадренный миноносец Dewey осуществил различные виды военно-морских маневров в внутри 12-мильной зоны вокруг этого рифа, показывая тем самым, что установление зоны китайского суверенитета вокруг данного «островного образования» является незаконным¹², так как решением ППТС Mischief Reef был квалифицирован в качестве обсыхающего при отливе возвышениями без права на формирование каких-либо морских зон вокруг него, к тому же находящийся в пределах 200-мильной ИЭЗ Филиппин. Соответственно, США, действуя таким образом, показали, что они осуществляют не просто мирный проход, допустимый в рамках Конвенции 1982 года в пределах территориального моря, а именно военно-морские маневры, как один из

видов реализации на практике принципа свободы судоходства равно применимого как в пределах ИЭЗ, так и открытого моря¹³.

Противоречивость американской правовой позиции. Соединенные Штаты – крупнейшая морская и военно-морская держава, которая, однако, не только не ратифицировала, но и не подписала ключевой документ в области управления пространствами и ресурсами Мирового океана – Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

Неучастие США в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. ставит их в один ряд с такими странами, как: Андорра, Афганистан, Бурунди, Бутан, Венесуэла, Израиль, Иран, Казахстан, Камбоджа, Киргизия, Колумбия, Ливия, Лихтенштейн, ОАЭ, Перу, Руанда, Сальвадор, Сан-Марино, Северная Корея, Сирия, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Центрально-Африканская республика, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан.

При этом США склонны считать, что Конвенция 1982 г. целиком и полностью кодифицировала исключительно устоявшиеся нормы обычного права. Такая позиция, безусловно, в полной степени отвечает военно-стратегическим интересам США¹⁴. Это связано с тем, что при таком рассмотрении роли и значения Конвенции 1982 г., другие страны, в том числе не участвующие в ней (например, Иран, Северная Корея, Сирия, Ливия и др.) фактически обязаны исполнять нормы обычного права, якобы кодифицированные в Конвенции, так как они обязательны для исполнения абсолютно всеми государствами. В результате, США постоянно акцентируют внимание на том, что такие нормы как право транзитного и архипелажного прохода, право мирного прохода военных кораблей через территориальное море – это уже устоявшиеся нормы международного обычного права и все страны обязаны их беспрекословно соблюдать.

Однако, такая позиция США – не более, чем навязываемая с их стороны правовая спекуляция. Дело в том, что принятие Конвенции 1982 г. имело целый ряд принципиальных последствий¹⁵.

Во-первых, в ее тексте были закреплены те или иные правовые нормы, которые к тому моменту уже давно рассматривались как обычные¹⁶ нормы права (например, право судна, терпящего бедствие, зайти в любой порт).

Во-вторых, в тексте Конвенции были зафиксированы определенные правовые нормы, которые на момент ее заключения уже яв-

лялись достаточно распространенной практикой целого ряда государств, что способствовало их постепенной трансформации в нормы обычного права (например, 200-мильный лимит исключительной экономической зоны).

В-третьих, Конвенция ввела новые правовые нормы, которые, однако, все еще не получили максимально широкого и последовательного применения. Их превращение в обычные нормы права возможно лишь в том случае, если они станут общеобязательной практикой большинства государств и, прежде всего, тех из них, которые до сих пор не участвуют в Конвенции 1982 г.¹⁷. В основном это касается ст. 76 об определении внешних границ континентального шельфа и самой концепции Общего наследия человечества, но не только.

Неслучайно, в этой связи в 1982 г. было заявлено: «Эта Конвенция не является Конвенцией, кодифицирующей правовые нормы. Утверждение о том, что, за исключением Части XI, Конвенция представляет собой кодификацию обычного права либо отражает существующую международную практику, является неверным с фактической точки зрения и юридически необоснованным. Режим транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, и режим архипелажного прохода по морским коридорам являются двумя примерами из многих новых концепций, воплощенных в Конвенции»¹⁸.

Так, например, США являются последовательными защитниками права транзитного прохода применительно ко всем проливам, которые используются или же могут быть использованы для международного судоходства. Они неоднократно выступали против претензий других прибрежных государств, не признающих или ограничивающих право транзитного прохода, в отношении следующих проливов: Баб-эль-Мандебский, Бонифачо, Головнина, Зондский, Гибралтар, Ломбокский, Ормузский, Торресов, Фриза, а также проливы на трассе российского Северного морского пути (СМП) – Лаптева и Санникова, и канадского арктического архипелага, формирующие трассу Северо-Западного прохода (СЗП)¹⁹.

Однако на практике только несколько государств полностью согласны с тем, что транзитный проход является нормой обычного права – это Австралия²⁰, Великобритания, Папуа Новая Гвинея, США и Франция. Некоторые страны (Албания, Испания, КНР, ОАЭ, Перу) открыто отказываются признавать транзитный проход

нормой обычного права. Иран, Марокко, ОАЭ признают лишь право мирного прохода через проливы, перекрытые территориальными водами²¹. Иран настаивает на том, что США, как неучастник Конвенции 1982 г., не имеют права претендовать на то, что они могут пользоваться конвенционным правом транзитного прохода, так как оно не является действующей нормой обычного права²².

Устоявшаяся точка зрения исходит из того, что право транзитного прохода на сегодняшний день лишь движется к тому, чтобы в перспективе стать нормой обычного права²³.

То же самое касается о права мирного прохода военных кораблей. Очевидно, что право мирного прохода возникло в самом начале прошлого века одновременно с установлением института территориального моря. Со времени своего возникновения оно признавалось всеми и стало широкораспространенной практикой абсолютного большинства государств. Нет сомнений в том, что закрепление этого права в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., было не чем иным, чем шагом по кодификации этого права, ставшего давно нормой обычного международного права. Однако нельзя забывать, что однообразная и непрекращающаяся практика государств по признанию права мирного прохода через территориальное море существует лишь в отношении торговых судов, в отношении прохода военных кораблей эта практика не является универсальной. Таким образом, очевидно, что до сих пор не существует нормы обычного права в отношении прохода военных кораблей через территориальное море прибрежного государства²⁴.

Стоит отметить, что вплоть до сегодняшнего времени государственная практика по этому вопросу весьма неоднозначна. С одной стороны, некоторые государства – например, Германия и Нидерланды – при присоединении к Конвенции 1982 г. сделали специальное уточнение касательно того, что право свободного прохода через территориальное море распространяется на все суда, в т.ч. и на военные корабли²⁵.

С другой стороны, около 40 государств требуют либо уведомительного²⁶, либо разрешительного²⁷ порядка прохода иностранных военных кораблей через свои территориальные воды. Так, например, правительство КНР при ратификации Конвенции 1982 г. заявило, что положения, касающиеся мирного прохода через территориальное море, не ставят под сомнение право прибрежного государства запрашивать у иностранного государства получения разре-

шения или же предварительного уведомления на проход своих военных кораблей²⁸. Некоторые страны (Дания, Вьетнам) ввели ограничение на максимальное количество военных кораблей, которые могут присутствовать в их территориальных водах.

Право мирного прохода исторически играет важную роль в военно-морской деятельности крупнейших морских держав. Однако проход военных кораблей может угрожать безопасности приморского государства. Соответственно, в международном праве существует определенная дилемма: обладают ли военные корабли правом мирного прохода через территориальное море приморского государства. Некоторые эксперты настаивают даже на том, что право мирного прохода военных кораблей через территориальное море – это вовсе не право, а проявление доброй воли со стороны прибрежного государства.

При этом сами США до начала холодной войны придерживались позиции, согласно которой право мирного прохода через территориальное море может быть осуществимо только в том случае, если военный корабль получил разрешение на такой проход со стороны прибрежного государства. Во время проведения Гаагской конференции по кодификации международного права американский представитель настаивал на том, что право мирного прохода, как право, не применимо к военным кораблям. Это право, со времен своего возникновения, предоставлялось целенаправленно именно торговым судам. Однако после окончания Второй мировой войны США по мере усиления своих военно-морских возможностей, меняли свою позицию по этому вопросу.

Для США характерно также весьма расширительное толкование тех или иных норм и положений Конвенции 1982 г.

Так, в частности, они принципиальным образом разводят два понятия: морские научные исследования, на проведение которых в пределах ИЭЗ или же на континентальном шельфе прибрежного государства согласно Конвенции 1982 г. должно быть получено формальное согласие последнего (ст. 245, 246), и военные научные исследования. Обращая внимание на то, что положения Конвенции 1982 г. по определению морских научных исследований достаточно расплывчаты, они считают, что для проведения военных научных исследований нет необходимости получать согласие прибрежного государства²⁹.

С их точки зрения, под морскими научными исследованиями следует понимать исключительно деятельность, осуществляемую в

морских пространствах для расширения знаний о морской среде в мирных целях, то есть океанографические, биологические, геологические, геофизические и другие исследования³⁰. А под военными исследованиями – сбор океанографической, геофизической, химической, биологической и акустической информации в военных целях, равно как гидрографическую съемку; поиск и разведку природных ресурсов; поиск затонувших объектов и подводную археологию; метеорологические исследования³¹.

Другой пример связан с реализацией подводными лодками права мирного прохода через территориальное море прибрежного государства. Статья 20 Конвенции 1982 г. требует, чтобы в ходе такого прохода подводные лодки и другие подводные транспортные средства следовали на поверхности и поднимали свой флаг. США же склонны считать, что даже в случае нарушения данного положения, подводный проход подводных лодок не должен расцениваться как «немирный», что прямо запрещено ст. 19.2 Конвенции 1982 г.³².

Наконец, отношение США к Конвенции 1982 г. предельно ярко выражено в том, что уже сейчас США заявили о том, что в случае возможного присоединения к ней, они воспользуются закрепленным в ней правом (ст. 298) вывести все споры, касающиеся делимитации морских пространств, исторических заливов и правооснований, военной деятельности, деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции, из-под юрисдикции международных судебных инстанций, предписанных Конвенцией 1982 г. (Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву, Арбитраж и Специальный Арбитраж)³³.

При этом особо подчеркивается, что никакие судебные инстанции не обладают правом определять, является ли та или иная деятельность США в Мировом океане – «военной». Таким образом, они де-факто полностью вывели себя из-под юрисдикции международных судебных инстанций, а также Совбеза ООН, по вопросам, связанным с осуществлением военной деятельности. Отдельно было оговорено, что в формат «военной» попадает любая «разведывательная деятельность»³⁴. Безусловно, для Соединенных Штатов, регулярно осуществляющих военные исследования, разведывательную деятельность и рекогносцировочные полеты над ИЭЗ других государств, было очень важно, с точки зрения обеспечения национальной безопасности, закрепить такую формулировку.

Легитимность программы FON. В меморандуме Госдепартамента США от 26 апреля 1988 г. содержалось такое объяснение относительно необходимости реализации программы FON:

«Международное право формируется не только из документов, но и из практики государств. Когда возникают претензии той или иной страны на большую юрисдикцию в отношении морских пространств, чем она наделена в рамках международного права, то эти шаги должны быть опротестованы. Протесты, однако, не дают никакой гарантии относительно того, что эти незаконные правопритязания не приобретут, в конце концов, статус «де-факто» или даже «де-юре». Именно поэтому наша страна имеет программу, которая позволяет на практике отстаивать наши права в области судоходства и свободы, предусмотренные международным правом»³⁵.

Соответственно, США, как страна-участник Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., крайне заинтересована в том, чтобы развитие норм права, преимущественно норм обычного права, как обязательных для всех стран, шло по пути, который бы не противоречил американским стратегическим интересам. В данном случае, речь идет, прежде всего, о таких целях, как беспрепятственный проход через ключевые проливы и реализация права свободы судоходства в ИЭЗ, а также права мирного прохода через территориальное море прибрежных государств. Реализация мер, включая учения ВМС и демонстрацию флага, по защите этих прав должна, как полагают в США, формировать ту самую «практику», которая является необходимым элементом возникновения обычных норм права.

Таким образом, действия США по оспариванию тех или иных правопритязаний, равно как ограничений конвенционных прав в области судоходства, призвано продемонстрировать универсальную практику несогласия с политикой и действиями других государств. Несмотря на то обстоятельство, что правопритязания других прибрежных государств в тех или иных областях скорее носят эпизодический и даже несистемный характер, США крайне опасаются изменения этой ситуации. Их политика по оспариванию и принуждению к исполнению норм Конвенции призвана не допустить возникновения или же трансформации тех или иных норм в нормы международного обычного права, так называемый международный обычай. США противостоят попыткам других стран выступить с единой и обоснованной позицией в области ограничения свободы

судоходства и популяризацией собственных трактовок статей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в этой области³⁶.

Логика действий США в этой области строится на определённом противопоставлении. Так, если одно государство пытается ограничить проход военных кораблей через свое 12-мильное территориальное море, а другое государство (например, США) посылает свои военные корабли реализовать право мирного прохода через территориальное море этого государства без получения разрешения со стороны последнего, то отсутствие протеста или же противодействия со стороны этого прибрежного государства в отношении такого прохода напрямую свидетельствует о существовании данной нормы права, которая действует и в отношении военных кораблей³⁷. Данная формула, как полагают американские эксперты, говорит о том, что «действия» имеют большую силу и значимость, чем «слова» и «предупреждения».

США, действуя таким образом, преследуют цель не допустить использования государствами-нарушителями норм и положений Конвенции 1982 г. ссылки на ст. 31 «Общее правило толкования» Венской конвенции о праве международных договоров, в которой зафиксировано, что последующая практика исполнения договора также может рассматриваться как интерпретация его положений.

«1. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

a) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

b) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

3. Наряду с контекстом учитываются:

a) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;

b) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования (выделено мною – Г.П.);

c) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками»³⁸.

В этой связи, например, действия государств по ограничению права мирного прохода через территориальное море прибрежного государства, не встречающая возражений со стороны других стран-членов Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., может со временем расцениваться как факт возникновения специфической интерпретации этой конвенционной нормы³⁹.

Предельно развернуто эту позицию выразил уже упоминавшийся выше помощник Госсекретаря США по океанам, окружающей среде и научным исследованиям Дж. Негропонте, заявив, что:

«Реализация своих прав на практике – свободы судоходства через акватории Мирового океана – не является провокационным действием. Наоборот, в рамках норм обычного международного права – это совершенно легитимное, мирное притязание по защите своей правовой позиции и ничего более. Если же Соединенные Штаты и другие страны не будут выступать с такого рода притязаниями по защите своих прав в ситуации, когда претензии других государств являются противоречащими международному праву, это приведет к негативным последствиям для них самих, так как будет восприниматься как согласие с этими правопритязаниями. В этой ситуации самое трудное – это понимание того, что наиболее агрессивные, необоснованные и провокационные претензии являются наиболее важным объектом, в отношении которого необходимо продемонстрировать реализацию своих прав на практике. Мировое сообщество не может позволить себе быть принужденным – принужденным к бездейственности в отношении защиты свобод открытого моря»⁴⁰.

Изначально предполагалось, что программа FON будет носить не провокационный, справедливый, беспристрастный и политически нейтральный характер. Однако, как подчеркивают американские эксперты, «непровокационный» вовсе не означает на практике «бесконфликтный» характер программы, так как речь идет о таких важных мероприятиях, как борьба с правопритязаниями⁴¹. Главным критерием законности программы, как они полагают, является тот факт, что она не противоречит Уставу ООН, в частности положениям ст 2(4), в которой сказано, что:

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо

другим образом, несовместимым с велениями Объединенных Наций»⁴².

Хотя нет сомнений в том, что, зачастую, действуя силовым образом, США в той или иной степени нарушают ст. 279 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая требует, чтобы: «Государства-участники урегулируют любой спор между собой, касающийся толкования или применения настоящей Конвенции, мирными средствами в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций и с этой целью стремятся к урегулированию средствами, указанными в пункте 1 статьи 33 Устава»⁴³. Более того, силовая модель реализации данной программы позволяет говорить о том, что она носит характер «злоупотребления правами», что прямо запрещено ст. 300 «Добросовестность и незлоупотребление правами» Конвенции 1982 г: «Государства-участники добросовестно выполняют принятые на себя по настоящей Конвенции обязательства и осуществляют права и юрисдикцию и пользуются свободами, признанными в настоящей Конвенции, таким образом, чтобы не допускать злоупотребления правами»⁴⁴.

Основная проблема заключается в том, что США берут на себя полномочия определять, правопритязания каких государств на пространства и ресурсы Мирового океана являются чрезмерными, а также судить о том, являются те или иные интерпретации норм и положений международного морского права, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., корректными или же нет. При этом Соединенные Штаты, зачастую, полагаются именно на вооруженные силы, необязательно свои собственные, это могут быть силы союзников, в том числе и по Североатлантическому альянсу (НАТО), для того, чтобы следить за соблюдением правопорядка в Мировом океане. Соответственно, действуя таким образом, Соединенные Штаты в большей степени «выступают в качестве обвинителя, судьи, коллегии присяжных и палача»⁴⁵ одновременно. В этой связи, возникает резонный вопрос: является ли такая модель поведения совместимой с принципами, на котором основан декларируемый либеральный миропорядок?

При этом позиция США строится на том, что защита норм и положений международного права требует от государств действий, в частности, направленных на недопущение нарушений международного законодательства. Однако, в данном случае также возникает одно важное недоразумение: почему именно США, а не другие страны или же международные институты как ООН, призывает к

соблюдению международного правопорядка в Мировом океане? Более того, нет никакой ясности в ответе на вопрос, почему большая часть мер в рамках программы FON осуществляется с помощью привлечения военно-морского потенциала США, а не более логичными в данном случае дипломатическими средствами?⁴⁶ Наконец, вполне legitimately ставится вопрос, почему другие страны, в том числе партнеры и союзники США, не участвуют в реализации этой программы?

Неслучайно, сам запуск Соединенными Штатами программы FON был изначально весьма критически встречен рядом прибрежных государств, посчитавших её «прискорбной и неприемлемой»⁴⁷. Министры иностранных дел Чили, Колумбии, Эквадора и Перу заявили об «агрессивных намерениях»⁴⁸ этой программы. Негативные оценки FON были поддержаны со стороны таких государств, как Ангола, Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Китай, Колумбия, Косте Рика, Сальвадор, Филиппины, Румыния и СССР⁴⁹.

Даже сейчас часть обвинений со стороны официального китайского руководства выглядит вполне обоснованно. Так, например, официальный представитель МИДа КНР заявил 10 мая 2016 г., что:

«Различие между КНР и США – это различие, не касающееся свободы судоходства. Мы честны в том, что мы поддерживаем принцип свободы судоходства в полном соответствии с международным правом, не только в отношении Южно-Китайского моря, но и в других регионах мира. Различие между нами состоит в том, что США используют свободу судоходства как оправдание. Оправдание того, что их корабли и самолеты занимаются тем, что осуществляют разведывательную деятельность вблизи китайского побережья, островов и рифов»⁵⁰. Таким образом, позиция китайского МИДа по этому вопросу предельно ясна: в их понимании США ставят защиту своих национальных интересов выше норм и положений международного, в частности – морского, права. С нашей точки зрения, парадоксальность данной ситуации состоит в том, что и КНР, и США в этой области действуют абсолютно идентично, а именно – используя международное право, как инструмент защиты своих государственных интересов.

Главная же опасность операций в рамках программы FON состоит в том, что силовое давление на оппонента с помощью сил и средств американского ВМС и ВВС уже неоднократно приводило к реальным боевым столкновениям, как это было между США и Ли-

вией, а также между США и СССР в годы Холодной войны. Сегодняшнее американо-китайское противостояние в акватории Южно-Китайского моря тоже несет в себе риск если не полномасштабного, то уж точно локального боестолкновения между флотами двух крупнейших мировых держав, что безусловно подрывает устои безопасности регионе в целом.

Подводя итоги, следует отметить, что защита свободы судоходства на протяжении многих десятилетий является для США одним из краеугольных камней, который лежит в основе защиты американских интересов как в экономической, так и военно-стратегической сферах. Свобода судоходства рассматривается не только как базис развития мировой торговли, 80% которой осуществляется морским путем, но и как гарантия проецирования силы в масштабах всего Мирового океана путем беспрепятственной переброски войск. При этом предельно широкий охват целей и задач в рамках программы «Freedom of Navigation» (FON), направленной на оспаривание любых притязаний прибрежных государств в прилегающих акваториях, включая как страны-изгои (Венесуэла, Иран, Ливия), так и союзнические государства (Филиппины, Южная Корея, Япония), свидетельствует о том, что защита разноплановых интересов США, как глобальной державы, является безусловным приоритетом этой политики.

Неудивительно, что сама история реализации программы FON – это история противостояния, зачастую, на грани вооруженного конфликта, как это было в годы холодной войны. Тогда, ключевыми регионами советско-американских противоречий выступали советская Арктика, акватории расположения Тихоокеанского Флота ВМФ СССР, а также Черное море. Сегодня ключевым регионом потенциального столкновения продолжает оставаться Южно-Китайское море (ЮКМ), где притязания Пекина хоть и являются изначально максимально завышенными, но направлены, в первую очередь, на обеспечение применимого уровня региональной безопасности Поднебесной, которая планомерно подвергается проверке со стороны США. Неслучайно, первыми объектами программы FON администрации Д.Трампа стали островные образования ЮКМ, на суверенитет над которыми и создание морских зон вокруг претендует Пекин. И пока между двумя странами не будет найден хотя бы какой-либо компромисс, например в виде общего понимания/трактовки тех норм и положений своевременного морского

права в области свободы прохода через те или иные акватории, уровень напряженности будет оставаться неснижаемым и ведущим к риску локального военного столкновения.

Таким образом, приходится констатировать, что защита свободы судоходства со стороны США, хоть и объясняется задачей отстаивания интересов всех участников мирового сообщества, на самом деле не ведет к мирному урегулированию противоречий, а скорее наоборот – провоцирует их рост. Фактически, США возлагают на себя роль единственного арбитра, который решает, где и в каком объеме нормы международного морского законодательства были нарушены или же неверно расширительно истолкованы. Хотя само неучастие США в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. принципиальным образом дискредитирует их усилия по отстаиванию правопорядка в Мировом океане, а китайские обвинения в адрес Вашингтона в политике «двойных стандартов» кажутся не такими уж и необоснованными. Практически, ставя американские интересы во главу угла – США используют FON для сохранения за собой роли глобального лидера и гегемона в масштабах всего Мирового океана.

¹ Stephens D. The Legal Efficacy of Freedom of Navigation Assertions. P. 242. (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiO8ZmH1LbOAhUGiSwKHblnAawsQFggbMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.usnwc.edu%2Fgetattachment%2F49b6ccde-c5f4-4175-b354-bfca3d69d497%2FThe-Legal-Efficacy-of-Freedom-of-Navigation-Assert.aspx&usq=AFQjCNG-EiyYKPLoo-G_GtJYXi1k9vS-Sg&sig2=-hRIZhQvHGtTKC4hQTDXKA&bvm=bv.129389765,d.bGs).

² Этот подход вполне закономерно получил название «перо и молот». См.: Lynn Kuok. The US FON Programme in the South China Sea \ East Asia Policy Paper. №9. June 2016 (<https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/The-US-FON-Program-in-the-South-China-Sea.pdf>).

³ Statement on United States Oceans Policy. March 10, 1983 (<https://www.reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1983/31083c.htm>).

⁴ Negroponte John D. Who will protect freedom of the seas? (<https://catalog.hathitrust.org/Record/100755161>).

⁵ DoD Annual Freedom of Navigation (FON) Reports (<http://policy.defense.gov/OUSDP-Offices/FON/>).

⁶ Bateman Sam. State Practice Regarding Straight Baselines in East Asia – Legal, Technical and Political Issues in a Changing Environment (https://www.iho.int/mtg_docs/com_wg/ABLOS/ABLOS_Conf5/Papers/Session7-Paper1-Bateman.pdf).

⁷ China's Baselines around Diaoyu Dao Islands (http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/MAPS/chn_mzn89_2012.jpg).

⁸ Mischief Reef: President Trump's First FONop? (<https://amti.csis.org/mischief-reef-president-trump/>).

⁹ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China) (<https://pcacases.com/web/view/7>).

¹⁰ The South China Sea Arbitration (the Republic of the Philippines v. the People's Republic Of China) The Hague, 12 July 2016. The Tribunal Renders Its Award (<https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>).

¹¹ Freund Eleanor. Freedom of Navigation in the South China Sea: A Practical Guide (<https://www.belfercenter.org/publication/freedom-navigation-south-china-sea-practical-guide>).

¹² The US Navy's First Trump-Era South China Sea FONOP Just Happened: First Takeaways and Analysis. A U.S. warship finally passes within 12 nautical miles of Mischief Reef (<http://thediplomat.com/2017/05/the-trump-administrations-first-south-china-sea-fo-nop-is-here-first-takeaways-and-analysis/>).

¹³ Trump administration's operation in South China Sea: Better late than never (<http://www.straitstimes.com/opinion/better-late-than-never>).

¹⁴ Защита свободы судоходства играет важнейшую роль не только в деле социально-экономического развития США, но и является ключевым элементом оборонной политики. Все основные элементы сферы национальной безопасности США – стратегическое сдерживание, оперативное присутствие, реагирование на кризисы, переброска войск – напрямую зависят от соблюдения принципа свободы судоходства, в частности права транзитного прохода. Обеспечение мобильности и оперативности переброски ВС в любой регион Земного шара морским путем остается одним из приоритетных направлений политики США.

¹⁵ Rothwell D.R., Stephens T. The International Law of the Sea. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2010. P. 22-23.

¹⁶ Нормы обычного права формируются за счет сочетания двух элементов: установившейся, широко распространенной и последовательной практики государств; а также субъективного элемента, известного как *opinio juris*. Последний означает, что государство рассматривает то или иное обычное правило как норму международного права, как правило, *юридически обязательное* (!) в международном плане. Это выражение воли государства. Когда другие государства также выражают волю в том же направлении, образуется молчаливое соглашение о признании обычного правила в качестве международно-правовой нормы. См.: Вылегжанин А.Н., Каламжарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. №6. С. 81-83.

¹⁷ Harrison James. Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law. – N.Y.: Cambridge University Press, 2011. – P. 51-59; Tanaka Yoshifumi. The International Law of the Sea. N.-Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 140-141.

¹⁸ Конституция для океанов. Высказывания Председателя Третьей Конференции ООН по морскому праву Томи Т.Б.

(http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf).

¹⁹ Roach J. Ashley, Smith W. Robert. *Excessive Maritime Claims*. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 283-345.

²⁰ Это не помешало Австралии и Папуа Новой Гвинеи предпринять попытку ввести обязательную лоцманскую проводку через Торресов пролив, что вызвало противодействие целого ряда государств, включая США, воспринявших этот шаг как ограничение права транзитного прохода.

²¹ Lopez Martin A.G. *International Straits. Concept, Classification and Rules of Passage*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2010. P. 197.

²² James K. Greene (Lieutenant Commander, United States Navy). *Freedom of Navigation: New Strategy for the Navy's FON Program*. Newport, Rhode Island: Naval War College, 1992. P. 9-10.

²³ George M. *Transit Passage and Pollution Control in Straits under the 1982 Law of the Sea Convention // Ocean development and International Law*. 2002. Vol. 33. Issue 2. Pp. 189-205; Bing Bing Ja. *The Northwest Passage: an Artificial Waterway Subject to a Bilateral Treaty Regime // Ocean development and International Law*. 2013. Vol. 44. Issue 2. Pp. 123-144; Brubaker D.R. *Straits in the Russian Arctic // Ocean Development and International Law*. 2001. Volume 32, Issue 3. P. 279.

²⁴ Keyuan Zou. *China's Maritime legal System and the Law of the Sea*. Brill, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 71.

²⁵ Official information regarding the declarations and statements under articles 287, 298 and 310 of the Convention [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН. Раздел «Declarations and statements» URL:

http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm (дата обращения 18.04.2013).

²⁶ Аргентина, Гайана, Египет, Индия, Индонезия, Йемен (НДРЙ), Корея (Республика) Ливия, Мальта, Маврикий, Республика Сейшельские острова, Финляндия (до 1997 года), Швеция (до 1994 года), Хорватия. – См.: Roach J. Ashley, Smith W. Robert. *Excessive Maritime Claims*. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 250-251.

²⁷ Албания, Алжир, Вьетнам, Бангладеш, Барбадос, Болгария (до 1987 года), Бирма, Германия, Гренада, Дания, Иран, Йемен (ЙАР), Кабо-Верде, Камбоджа, Китай, Конго, Мальдивы, Малайзия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Филиппины, Польша, Румыния, Сомали, Шри-Ланка, Судан, Сирия. Ibid. P.250-251.

²⁸ Official information regarding the declarations and statements under articles 287, 298 and 310 of the Convention

(http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/convention_declarations.htm)

²⁹ Wilson B., Kraska J. *American Security and Law of the Sea // Ocean Development & International Law*. – 2009. – Vol. 40. – P. 284

(<http://www.cnr.uidaho.edu/fish510/PDF/Wilson%20and%20Kraska%202009%20Law%20of%20Sea.pdf>).

³⁰ Свиных Е. Перспективы присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву // Зарубежное военное обозрение. 2011. №1. С. 78.

³¹ Responses of Admiral Michael G. Mullen, Vice Chief of Naval Operations, Joint Chiefs of Staff, Department of the Navy, to Additional Questions for the Record submitted by Senator Joseph R. Biden, Jr. – in Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110-9 (December 19, 2007). – P. 13, 20-21, 38 (<http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>).

³² Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110-9 (December 19, 2007). P. 12, 26-27 (<http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>).

³³ Положениями этой статьи воспользовались также такие государства как: Аргентина, Белоруссия, Великобритания, Кабо-Верде, Канада, Китайская Народная Республика, Мексика, Португалия, Российская Федерация, Таиланд, Тунис, Украина, Франция, Чили, Южная Корея.

³⁴ Senate Executive Report, 108th Congress, 2nd Session, Exec. Rpt. 108-10 (March 11, 2004). – P. 89, 93 (<http://www.gc.noaa.gov/documents/SExecRept-108-10.pdf>); Senate Executive Report, 110th Congress, 1st Session, Exec. Rpt. 110-9 (December 19, 2007). P. 11, 19 (<http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>).

³⁵ Aceves, William Joseph. The Freedom of Navigation program: A study on the relationship between law and strategy. 1990. P. 62-63. (<http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll38/id/82074>).

³⁶ Stephens D. The Legal Efficacy of Freedom of Navigation Assertions. P. 243. (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiO8ZmH1LbOAhUGiSwKHblnAwsQFggBMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.usnwc.edu%2Fgetattachment%2F49b6ccde-c5f4-4175-b354-bfca3d69d497%2FThe-Legal-Efficacy-of-Freedom-of-Navigation-Assert.aspx&usg=AFQjCNG-EiyYKPLOo-G_GtJYXi1k9vS-Sg&sig2=-hRIZhQvHGtTKC4hQTDXKA&bvm=bv.129389765,d.bGs).

³⁷ Ibid. P. 245.

³⁸ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml).

³⁹ Stephens D. The Legal Efficacy of Freedom of Navigation Assertions. P. 247. (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiO8ZmH1LbOAhUGiSwKHblnAwsQFggBMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.usnwc.edu%2Fgetattachment%2F49b6ccde-c5f4-4175-b354-bfca3d69d497%2FThe-Legal-Efficacy-of-Freedom-of-Navigation-Assert.aspx&usg=AFQjCNG-EiyYKPLOo-G_GtJYXi1k9vS-Sg&sig2=-hRIZhQvHGtTKC4hQTDXKA&bvm=bv.129389765,d.bGs).

⁴⁰ Negroponte John D. Who will protect freedom of the seas? (<https://catalog.hathitrust.org/Record/100755161>).

⁴¹ Stephens D. The Legal Efficacy of Freedom of Navigation Assertions. P. 241. (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiO8ZmH1LbOAhUGiSwKHblnAwsQFggBMAA&url=https%3A%2F%2Fwww.usnwc.edu%2Fgetattachment%2F49b6ccde-c5f4-4175-b354-bfca3d69d497%2FThe-Legal-Efficacy-of-Freedom-of-Navigation-Assert.aspx&usg=AFQjCNG-EiyYKPLOo-G_GtJYXi1k9vS-Sg&sig2=-

hRIZhQvHGtTKC4hQTDХКА&bvm=bv.129389765,d.bGs).

⁴² Устав ООН (<http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>).

⁴³ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Amitai Etzioni. Freedom of navigation Assertions: the United States as the World's Policeman // *Armed Forces & Society*. September 8, 2015 (<http://afs.sagepub.com/content/early/2015/09/04/0095327X15599635.full.pdf+html?ijkey=mM64ZHJYXI302&keytype=ref&siteid=spafs>).

⁴⁶ Ibid. P. 8.

⁴⁷ Third United Nations Conference on the Law of the Sea (1973–1982). Eighth and Resumed Eighth Session. A/CONF.62/90. Letter dated 22 August 1979 from the Vice-Chairman of the group of coastal States to the President of the Conference (http://legal.un.org/docs/?path=../diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_12/a_conf62_90.pdf&lang=E).

⁴⁸ Third United Nations Conference on the Law of the Sea (1973–1982). Eighth and Resumed Eighth Session. A/CONF.62/85 (Letter dated 20 August 1979 from the heads of the delegations of Chile, Colombia, Ecuador and Peru to the President of the Conference (http://legal.un.org/docs/?path=../diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_12/a_conf62_85.pdf&lang=E)).

⁴⁹ Third United Nations Conference on the Law of the Sea (1973–1982). Eighth and Resumed Eighth Session. A/CONF.62/SR.118. 118th plenary meeting (http://legal.un.org/docs/?path=../diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_12/a_conf62_sr118.pdf&lang=E).

⁵⁰ Цит по: Lynn Kuok. The US FON Programme in the South China Sea \ East Asia Policy Paper. №9. June 2016 (<https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/The-US-FON-Program-in-the-South-China-Sea.pdf>).